

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исторические формы первоначального накопления

Деленян Арут Андроникович

кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономии
экономического факультета Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

A.Delenyan@gmail.com

Ключевые слова: основной экономический закон, пролетариат, бедность, тренды, экономический кризис, цена, богатство

Keywords: basic economic law, proletariat, poverty, trends, economic crisis, cost, wealth

Историческое развитие капитализма подтверждает определенные тенденции, выражающиеся всеобщим законом капиталистического накопления. Последний, в изложении, К. Маркса звучит следующим образом: «Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышленная резервная армия. Свободная рабочая сила развивается вследствие тех же причин, что и сила расширения капитала. Следовательно, относительная величина промышленной резервной армии возрастает вместе с возрастанием сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого прямо пропорциональна мукам труда активной рабочей армии. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия,

тем больше официальный пауперизм. Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления»¹⁾.

Всеобщий закон капиталистического накопления, по Марксу, имеет три основные формы проявления, разберем каждый из них в отдельности. Во-первых, относительное обнищание, по сравнению с высшими слоями капиталистического общества. Соотношение между самыми богатыми и самыми бедными в мире за период с 60-х годов XX века выросло с 20:1 до 40:1. Это говорят не марксисты, а статистика ООН²⁾. Критики марксизма иногда говорят о растущей дифференциации как о последнем прибежище марксистов. Иначе говоря, глобализация в современном мире имеет ярко выраженное капиталистическое содер-

¹⁾ См. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. М., Госполитиздат, 1963. С. 659.

²⁾ По данным разных авторов дифференциация выросла еще больше — до 60:1 и даже до 80:1.

жание. Это утверждают не марксисты, а их критики. По-другому понимать их утверждение невозможно. Итак, по поводу первой формы проявления консенсус между марксистами и их критиками достигнут: капитализм. Не информационное общество, не посткапиталистическая формация. Выстраивание информационных преимуществ в развитых странах за счет ухудшения положения периферических обществ не укладывается в концепцию посткапитализма. Мы предполагаем, что речь идет о научном споре с опорой на факты.

Вторая форма проявления заключается в абсолютном обнищании, которое происходит не непрерывно, а периодически, в периоды обострения конкуренции, особенно в периоды кризисов — прямое ухудшение экономического положения по сравнению с прежним положением³⁾. Беднее стало жить население ряда развитых стран за последние 10–20 лет. Если в течение значительной части XX века население в развитых странах, включая пролетариат, жило зажиточнее, то тем легче соглашалось со справедливостью складывающихся порядков. А бедные в развивающихся странах сами виноваты в своих бедах. В. И. Ленин называл это подкупом пролетариата аристократией. При благоприятной экономической конъюнктуре делиться частью прибыли со своим пролетариатом было «естественнее» и выгоднее, чем пытаться создать благосклонное к капиталу отношение в особых районах планеты. Хотя одно не исключает другого: ОАЭ, Сингапур, Швейцария — есть выбор и любителям диктатур, и демократии.

К тому же за проблемы бедных в развивающихся странах взялись МВФ, мировой банк, ООН. Правда, резуль-

тат их работы скорее, отрицательный, если судить о росте дифференциации доходов в развивающихся странах и размерах бедности (по результатам, представленным МВФ, 63 % сельского населения находятся в состоянии бедности⁴⁾). Но теперь комфортные времена для США и Европы заканчиваются. Китай, Япония, ряд других стран Востока и Индия наращивают промышленное производство. А вместе с ростом объемов производства растут и доходы стран-производителей. При этом доходы отчасти сокращаются у тех, кто перевел свое промышленное производство в Китай и другие страны. По данным всемирного банка, «в 2001 году, у 1,1 млрд человек уровень потребления был ниже 1 доллара в день и 2,7 млрд живут менее чем на 2 доллара в день»⁵⁾. Не совсем единственное прибежище марксистов, не правда ли?

Наконец, третья форма проявления закона относится к социальному положению пролетариата. «По мере накопления капитала положение рабочего должно ухудшаться, насколько бы ни была, высока или низка, его оплата»⁶⁾. Последнее положение относится, по Марксу, ко всему периоду господства капитализма с его техническим и социальным строем. Более того, пока не созреют условия и предпосылки коммунизма, будущего общества, как его ни назови — посткапитализмом, постиндустриальным или информационным обществом — любые попытки прорваться в новое общество на старой основе смогут создавать лишь некоторые стороны будущего. Какие именно попытки (а социализм советского образца был не единственной попыткой), разговор отдельный: теоретически — например,

³⁾ По данным институционалиста Дж. Стиглица не в развивающихся странах, а в США за последние 20 лет реальные доходы сократились примерно на 4–5 %. См. *Стиглиц Дж. Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса.* М.: Эксмо, 2011, С. 121.

⁴⁾ См. <http://www.imf.org/external/pubs/ft/issues/issues26/index.htm>

⁵⁾ См. <http://en.wikipedia.org/wiki/Poverty>

⁶⁾ См. *Маркс К. Капитал. Критика политической экономии.* Т. 1, Кн. 1. Процесс производства капитала. М., Госполитиздат, 1963. С. 660.

коммунизм для аристократов на базе рабской эксплуатации у Платона, практически — в какой-то степени реализованный иезуитами в XVII веке проект города Солнца Томмазо Кампанеллы⁷⁾. Иначе говоря, до тех пор, пока не только созреют предпосылки нового строя, но и установятся адекватные содержанию формы. Отчасти это выражается и в том, что даже прямые защитники капитализма стесняются своего прямого занятия⁸⁾.

Так происходит ли ухудшение положения пролетариата?

Ответ непростой в том смысле, что до определенного периода времени положение ухудшалось безусловно. Даже если оставить в стороне этап формирования рабочего класса (а это значительный период), то начиная с XIV по XVIII в., когда происходило обеднение ремесленников и превращение их в рабочих, то есть в период абсолютного обнищания, иначе этих людей в новые формы хозяйства — фирмы, мануфактуры — было не загнать, и в этом активно участвовало государство. Во-первых, со времени победы Англии над Наполеоном и занятия ею

места мирового промышленного и торгового лидера, начинает расти зарплата английских рабочих, правда, в острой борьбе профсоюзов и промышленников. Вслед за этим в борьбу и рост заработных плат включаются отряды пролетариата стран Европы. Вот к этому периоду относится и замечание Маркса об ухудшении **положения** рабочего, невзирая на динамику заработной платы.

В чем же заключалось ухудшение положения? Отметим, прежде всего, развитие состояния рабочего как частичного рабочего. Что такое частичный рабочий? Исторически развитие капитализма в промышленности начиналось с ремесленной организации и преобразования ее в мануфактурное производство. Ремесленник в докапиталистических обществах — самостоятельный производитель, умеющий и знающий все в своей отрасли, и чтобы стать из подмастерьев мастером, требовалось длительное время, обучение, кроме того, положение мастера в обществе было закреплено не только его знаниями и умениями, но и объединением в цехи. Развитие технического прогресса, всегда разрушительное по отношению к производителю, отчасти сдерживалось, регулировалось цехами.

Мануфактурное производство, описанное А. Смитом, приводит не только к крупному росту производительности труда, но и ведет к упрощению функций работника, делает его «частичным». Он дважды теряет свою самостоятельность, поскольку работает на капиталиста и поскольку знает все «ни о чем», об очень ограниченной сфере деятельности — как заточить иголку, как пробить ушко в иголке. В случае потери работы на капиталиста такой работник не может заняться самостоятельным производством, он просто не обладает для этого не только средствами существования, но и необходимыми знаниями и компетенциями.

⁷⁾ Зараев М. В мире реализованных утопий. Ж.: Дружба народов, 2008. №4. Он, кстати, продержался тоже 80 лет, что вполне укладывается в отмеченное еще древними свойство прихода к власти нового тирана на три поколения. Первое поколение сильно своими достижениями и харизмой вождя, главное — поддержкой солдатской массы. Но у его детей этой харизмы и поддержки нет, а привыкание к изнеженной жизни в отрыве от «рядовых солдат» ведут к изоляции, к опоре на вторую сигнальную систему в обществе — чиновничество. Третье поколение окончательно теряет власть, ненависть к тирану в обществе выплескивается и находит нового вождя.

⁸⁾ Например, А. Маршалл, основоположник кембриджской школы, предлагал не называть это общество капиталистическим — надо бы такой строй, который так много принес человечеству, назвать более лицепрятно. Так сейчас и делают, называя этот строй рыночной экономикой. Следуя этой логике, и рабовладению можно придумать хороший «термин» — сколь многим мы обязаны эллинизму и классике. «Имя Лорда Воланде-Морта непроеизносимо» — хорошо для детей, но нельзя вечно оставаться детьми.

«Зато» у него есть выбор — заниматься к другому капиталисту.

При переходе к фабрично-заводскому типу производства происходит дальнейшее упрощение функций работника — он становится обслуживающим при разделении труда между машинами. Иначе говоря, экономическое господство капиталиста над рабочим дополняется технологическим господством (к вопросу о равенстве сторон при рыночной сделке). Указанные стадии развития «частичного» работника были описаны К. Марксом как ступени ухудшения положения пролетариата. Как общий процесс. Всегда ли и везде происходит подобное упрощение функций рабочего? Можно вспомнить положение «кадровых рабочих» на до-революционных предприятиях России начала XX века. Слесари, кузнецы учились долго, свое место понимали, были еще и закалены классово-борьбой. Однако после революции процессы ускорения обучения и упрощения функций рабочих были поставлены на научную основу. С технико-экономической точки зрения никакой разницы между тем, что происходило в развитых странах капитализма, и отстающих не было. Кроме отставания.

Однако Маркс не застал конвейерного производства, когда упрощение функций работника дошло до крайней степени. Изобрели его раньше, но в 1908 году применили на заводах Форда. Критику конвейера Ч. Чаплином забыть нельзя. Но это не аргумент в вопросе, применять его или нет. Он очень производителен, конвейер. Таковы ступени развития «частичного» работника. В процессе конвейерного производства инженеры решают все существенные вопросы. Роль рабочего — быть винтиком, место которого определяется инженером. Эпоха конвейерного производства в современный период далеко не завершена. Просто оно переносится из «развитой двадцатки» в другие страны, где есть работники, готовые трудиться не 37–40 часов

в неделю, а 48–50 и больше часов. Переносится в Китай, Индию, Малайзию, Южную Корею (и Северную Корею) и т. д., где население столь пассивно, что готово мириться с ухудшением собственного положения и состоянием окружающей среды.

Однако в 1930-е годы в развитых странах созрели новые условия воспроизводства рабочей силы. В ряде случаев в производстве понадобилась более сложная, более квалифицированная рабочая сила, для которой модель потогонного стимулирования была недостаточной, а иногда просто вредной. Пришла в управление персоналом эпоха революции Мэйо. Для охваченных новыми системами организации труда решался вопрос о смене занятий, улучшались социальные условия. Все это, разумеется, не ради любви к искусству или работникам, а ради повышения производительности труда. И даже не столько ради повышения производительности, сколько ради выгоды, прибыли.

Перестал ли действовать основной экономический закон капитализма⁹⁾ — закон всеобщего накопления? Нет, подрыв основы товарного производства, частного характера производства означает просто, что появляются новые формы связи работников, находящиеся в противоречии с системой капитализма. От этого капитализм не исчезает, а у его идеологов и менеджеров появляется конструктивная информация — оказывается, с этим можно жить, и даже довольно эффективно. Так, например, у идеологов индиви-

⁹⁾ Таким образом, основной экономический закон капитализма включает социальную и демографическую составляющую. Именно поэтому К. Марксу понадобилось рассмотреть формы заработной платы, поверхностную форму. Можно поэтому говорить о том, что в споре Т. Мальтуса и Д. Рикардо *методологически* был прав Мальтус — демография должна быть включена в определение основного экономического закона. Другое дело, что *фактически* и *методически* провел он эту работу с ошибками, неудовлетворительно.

дуалистических форм англосаксонской школы появляется убеждение, что существуют корпоративные формы капиталистической организации и что они более эффективны, адаптируют систему капитализма к новым условиям хозяйствования. То, что сама система в итоге становится переходной, не меняет факта, что основной закон продолжает «работать». Следовательно, капитализм сохраняется.

Третья форма проявления основного закона — ухудшение положения пролетариата — проявляется в том, что возрастает его неустойчивость в системе общественного разделения труда. В самом деле, трудящиеся, в отличие от рантье, нуждаются в рабочих местах «здесь и сейчас». У них накоплений, как правило, нет или их немного. А с ростом производительности труда количество рабочих мест сокращается. Уже сейчас Китай и Индия могут обеспечить вешнее производство (миссия товарного производства) всему миру. Но что делать работникам (пролетариату) развитых стран? Их всех на общественные работы не отправишь и приличным пособием по безработице не обеспечишь. Интересна в этой связи деятельность МОТ (Международной организации труда) при ООН. Даже не сама деятельность, а обоснование принимаемых решений. В 1935 году МОТ рекомендовала в Конвенции № 47 40-часовую рабочую неделю ввиду обширной и длительной безработицы. В 1994 году была принята Конвенция № 175 о работе на условиях неполного рабочего времени, «принимая во внимание актуальность для трудящихся, занятых неполное рабочее время»¹⁰⁾, иначе говоря, удобство для работников. Предложение Дж. Мессенджера, эксперта МОТ, в 2014 г. о переходе с пятидневной рабочей недели на четырехдневную включало следующие дово-

ды: вред здоровью сотрудникам компаний, практикующим ненормированный график. Очевидно, однако, что таким компаниям никакие рекомендации не резон. В качестве второго основания эксперт указал на благотворное влияние укороченной рабочей недели на рынок труда для создания рабочих мест¹¹⁾. Все так, как 150 лет тому назад описывал К. Маркс в «Капитале»: муки труда занятых, рост неустойчивости положения занятых и безработных. Кризис — момент истины, лакмусовая бумажка реального состояния общества, а не (выражаясь языком экономикс) нормативных представлений о нем. Без изменения политики вызовы экономики современному обществу не смогут найти адекватных решений.

Формулировка марксова закона всеобщего капиталистического накопления представляет собой парафраз и уточнение определения А. Смитом богатого общества: богатое общество — такое, в котором минимизированы непроизводительные слои населения, а само население бедное и трудолюбивое. Другими словами, надо минимизировать непроизводительные слои населения, а производительную часть заставить трудиться много и эффективно. Конечно, заставить не так, как в феодалную и рабовладельческую эпохи, не посредством зависимости (как в случае работы на помещика) и не физически (как в случае с рабовладельцем). На смену этим неэкономическим формам принуждения приходит форма экономическая — когда рабочий лишен средств производства и средств существования, получить которые он может, лишь продавая свою рабочую силу. Например, в классической форме, как это происходило в Англии, — частным капиталистам. Но ничто не может помешать подобной же продаже совокупному капиталисту. Суть от этого не меняется.

¹⁰⁾ http://uraltradeunion.ru/acts/mezdunarod/nepolnoe_rab_t.html

¹¹⁾ <http://www.rbc.ru/economics/08/10/2014/5434ebdacb20f46b0b23fcf>

А форма меняется так, что сторонники частного капитализма — либералы — позиционируют себя как борцов против социализма, против огосударствления. Но ведь суть от изменений в формах не меняется, не правда ли?

Но если формулировка А. Смита особых нареканий не вызывала, то марксова вызывала яростное отторжение. И не только среди идеологов буржуазных отношений. Недоверие классикам экономической науки в среде советской интеллигенции с давних пор имело свои корни. Во-первых, недостаточное знание наследия классиков. Во-вторых, доверие определению общества в СССР как социалистического. И здесь работает своя логика. Социалистическое общество должно быть более развитым, нежели капиталистическое общество. Но тогда и уровень жизни должен быть выше, чем в капиталистических обществах. А теперь сравните факты. Не статистику, а как люди живут. Научный анализ здесь отдыхает. Сравниваются люди примерно одинакового с вами общественного статуса. Поэтому люди, прежде всего журналисты и работники посольств, оказались идеологически завербованными «скромным обаянием буржуазии» и становились циниками, поскольку им приходилось защищать тезисы сначала о «построенном социализме в основном», а потом о «развитом социалистическом обществе», в которые они не верили. Возьмите родственников и знакомых, непосредственно сталкивающихся с фактическим положением вещей, — это и есть «недоверчивая интеллигенция». Квалифицированные рабочие и их семьи, по крайней мере могущие себе позволить поездку на отдых за рубежом, — это уже ситуация более позднего времени. А непосредственные впечатления сильнее любых доказательств.

В ходе накопления капитала воспроизводятся сами производственные отношения, его материальная основа, условия и предпосылки его суще-

ствования и развития. Первоначально развитие капитализма происходило в форме уклада хозяйственной жизни. Оно базировалось на деятельности торгового и ростовщического капиталов со своими агентами — разносчиками товаров вплоть до высших форм неогосударства и выдачи кредитов.

В качестве наиболее общих условий накопления капитала можно выделить такие, как плотность населения, разнообразие условий жизни и производства (неоднородность, противоречивость, дающая возможность «созревание» новых отношений в кризисных ситуациях) и наличие частной собственности. При этом непосредственной связи между накоплением капитала и условиями нет. Условия дают возможность возникать и воспроизводиться новым отношениям и при благоприятных сочетаниях вытеснять старые. Сама общественная жизнь разнообразна, и новые отношения далеко не сразу вытесняют старые. В ряде отраслей и анклавов происходит использование старых типов отношений для лучшего развития новых. Из наиболее известных фактов можно привести использование рабского труда на плантациях Северной Америки, рудниках Латинской Америки и т. д. в XVIII–XIX вв. при развитии капитализма как полноценной системы. Да и в современный период, хотя использование рабского труда и запрещено законами, на практике продолжается и расширяется использование труда заключенных (например, в благополучной Германии, не говоря уже о Китае, России, Украине), нелегальных рабах в России и странах Африки.

Следует отметить отсутствие непосредственной связи между условиями и накоплением капитала. Об этом свидетельствует ряд исторических фактов. Например, плотность населения в Древнем и Средневековом Китае была выше, чем в Европе, но однородность отношений, базирующихся на интенсивном земледелии (рисоводство), дающем

крупные объемы продукции, приводила к воспроизводству старых типов натурального хозяйства. Более того, известен факт, что многочисленные завоеватели Китая в конечном счете сами становились «китайцами», возглавляя местные элиты, таким образом, воспринимая виды местных экономических связей, принимая более высокий тип культуры. Высокая плотность населения требовала высокой степени организованности. В формате типов старых, традиционных отношений. Новые отношения требовали новых подходов, реализация которых не поспевала вырасти до конкурентоспособного состояния по сравнению со старыми типами. Одним из условий того, что капитализм впервые зародился в Европе, было гигантское разнообразие условий жизни и видов хозяйственных укладов.

Говоря о плотности населения, следует подчеркнуть, что речь идет не только о физико-географическом смысле данного понятия. Придумал показатель «социальная плотность населения» социолог Огюст Конт, включавший в него наличие средств связи, грузовых и пассажирских транспортных систем. До настоящего времени данный показатель отечественными экономистами и социологами практически не учитывается. Но учет этой категории, показателя сразу был включен в подобном качестве в систему Маркса, где социологическое качество включено в экономическую систему. В системах исследователей современного мейнстрима плотность населения присутствует в физико-географическом смысле. Между тем рост социальной плотности дает возможность воспроизводиться экономическим отношениям на более высоком уровне. Даже первобытнообщинное общество нуждалось в известной плотности населения (и не только в физическом смысле), без которой были бы невозможны контакты родов при переходе от эндогамного к экзогамному браку. Усложнение общественной структуры

требует использования все более сложных показателей его развитости. Так, показатель плотности населения как фактор развития широко использует французский исследователь, представитель исторической школы «Анналов», Ф. Бродель¹²⁾.

Первоначальное накопление означает накопление стоимости, богатства. Наличие частной собственности также является условием развития капитализма. Частная собственность возникает задолго до появления капитализма, соответствует товарным отношениям, выросшим и заполняющим противоречивые пустоты пространств первобытнообщинного, рабовладельческого, феодального хозяйств. В основном капитализм сменяет исторически феодальный тип собственности и хозяйства. Феодальная собственность намного более терпима по отношению к крестьянскому хозяйству, поскольку зависима от крестьянского хозяйства, базируется на нем. Феодальная собственность и собственность крестьян поэтому взаимопроникающи, одно дело эксплуатация (использование) крестьянского труда, его инвентаря (на баршине крестьянин работал обычно своим инвентарем, со своей лошадью и т. д.), другое — в случае необходимости помещик обычно помогал своим крестьянам, поскольку понимал свою зависимость от крестьянского хозяйства. Капиталистическая частная собственность вырастает из городской, более атомарной, жесткой по отношению к правам собственника.

Другое дело, что **ускоренному** развитию капитализма соответствовала система майората. Майорат — система наследования, когда все имущество наследует старший сын. Другие дети не получают ничего, кроме, разумеется, образования, оружия и платья.

¹²⁾ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1, Структуры повседневности: возможное и невозможное. Пер. с фр. М.: Изд-во «Весь Мир», 2007. С. 27–28.

Ранние романтические исторические романы (В. Скотт) часто обыгрывали коллизии, возникающие при захвате имущества законного наследника. При системе частной собственности как таковой скорость роста богатства имела ограничения в виде числа наследников — накопленное богатство должно было делиться между наследниками — в то же время с точки зрения накопления происходило его «распыление». Система майората исполняла роль храповика по отношению к богатству, не давая возможности его растворения, способствовала дифференциации населения, росту стоимости, концентрации богатства в одних руках.

На самом деле система майората в Европе не была всеупотребительной. Она использовалась в некоторых областях Европы, как в феодальных, так и крестьянских хозяйствах. Однако ее применение расширило фискальные возможности государств — с богатой части населения налоги собирать легче. Таким образом, абсолютистские государства Европы не ставили, естественно, своей целью развитие капитализма. Подобные представления абсурдны. Однако в качестве побочного результата достигался именно этот эффект. Страны, применявшие майорат как систему наследования, быстрее богатели. Другое дело, страны, отставшие в развитии, учатся на чужом опыте, сознательно применяют удачные приемы. Не случайно то обстоятельство, что в России в ходе столыпинской реформы в 1906 г. также был принят закон о майорате, предложен и принят сознательно, для более успешного и быстрого реформирования экономики. К тому времени было известно, что применение майората ускоряет становление товарных отношений, а из них отношений капитализма в 4–6 раз. Однако в огромной и разнообразной России от принятия закона до его исполнения дистанция всегда была велика. Да и исторический срок реформ Столыпина оказался менее десяти лет. Как подчеркивал сам

Столыпин, России нужно было 20 мирных лет. Из опыта более передовых стран было уже известно, что реформирование экономики в направлении к капиталистической организации равносильно ведению внутренней войны, войны с частью своего населения. Вести одновременно две войны нерационально, опасно.

Другим важным условием, определяющим накопление капитала, является благоприятное отношение государственной власти. Собственно докапиталистическая организация общества после разложения первобытного его состояния определялась как сочетание власти государства и власти денег¹³⁾. На всех этапах генезиса капитализма государство никогда не было индифферентным по отношению к экономике, хотя встречаются попытки утверждать обратное¹⁴⁾. О случае с установлением системы майората говорилось выше. Государство регулирует также отношения между трудом и капиталом, выступая на стороне последнего. Так, в XIV веке в Англии продолжительность рабочего дня ремесленника составляла около 10 часов, что определялось продолжительностью светового дня (иначе говоря, летом больше, а зимой меньше) и требованием католической церкви: продукт, произведенный при искусственном освещении, не угоден Богу. Без церкви в те времена не решались никакие вопросы. С усилением участия Англии в международной торговле начинается, как было показано К. Марксом, законодательное удлинение рабочего дня.

Мануфактурный способ производства не изобретение Англии, уже в Соединенных Провинциях он широко использовался в решении вопросов

¹³⁾ В данном случае мы сознательно абстрагируемся от церковных видов иерархии, власти.

¹⁴⁾ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. Пер. с англ. М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catalaxu», 1992. С. 20.

роста производительности труда, строительства кораблей, так как Антверпен и Амстердам стали центрами мировой торговли в XV–XVI вв. Если господство в мировой торговле городов и княжеств Италии характеризовало еще морской характер международной торговли и цивилизации, то с переходом первенства в международной торговле к Голландии и Португалии (последняя сделала удивительно много в географических открытиях, являясь своего рода интеллектуальной базой исследования мирового океана — не случайно все европейские страны в XV веке желали иметь капитанов-португальцев) торговля все больше использует океанические дороги. Вместе с тем и международная торговля, и цивилизация все больше становятся океаническими, мировыми.

Как известно, Соединенные Провинции завоевали роль мирового торгового центра, а богатые торговцы и предприниматели претендовали на экономическую и политическую власть. В Провинциях была отменена власть сословий, и они были почти готовы к промышленному перевороту. Однако отмена сословий была расценена светскими и церковными иерархами соседних стран как нечестивость. Торгового флота оказалось недостаточно. Тем более накопление богатств осуществлялось без достаточного военного прикрытия. Прежде всего, Испания ввела войска и навела порядок в соседних территориях. Испания сама богатели на географических открытиях и не склонна была к разделу его плодов. Достаточно напомнить, что когда Васко да Гама открыл путь в Индию вокруг Африки, Испания заключила международный договор, в соответствии с которым только ее корабли и — в память заслуг — португальские имели право пользоваться открытым проходом¹⁵⁾. И армия, особенно гвардия

Испании, и ее флот были несравненно мощнее. Свое участие обозначила и Франция. Прежний порядок был восстановлен. Вряд ли ростки капитализма были уничтожены полностью, но претензии на мировую гегемонию исчезли.

Пример Соединенных Провинций, Голландии был для Англии поучителен. В гонке за мировое океаническое господство нужны корабли, как торговые, так и военные. В этом длительное время равных голландцам, а позднее англичанам не было. Их строительство, оснащение — дело государственной важности; оно производится на мануфактурах, так же как и экспортные товары. Законодательное удлинение рабочего дня продолжается вплоть до полной победы промышленности Англии, ее флота и армии. К концу XVIII века рабочий день на мануфактурах и фабриках устанавливается в 15–16 часов. Но и этого недостаточно. Поскольку параллельно происходит сокращение реальной заработной платы¹⁶⁾, то на рынок труда поступают остальные члены семьи рабочих — жены, дети. По существу, Англия ведет войну, иногда явную, как в случае с Испанией, позднее с Францией Наполеона, иногда скрытую, с поддержкой пиратства на морях и контрабандной торговлей с европейскими странами во время мира с Наполеоном. В Англии вновь зарождается (после итальянских государств и Голландии) и, благодаря

тана-португальца считали большой удачей многие европейские монархи.

¹⁶⁾ В XIV веке ремесленник для того, чтобы прокормить свою семью хлебом, вынужден был трудиться 10 недель, а так как семья нуждалась не только в хлебе (ее надо было одеть, обусть и т. д.), то мастер продолжал трудиться, а семья жить. К концу XVIII века рабочий должен работать 50 недель для того, чтобы прокормить семью только хлебом. См.: Кулишер И. М. Очерки из истории форм промышленности в Западной Европе с XIII по XVII столетия. Магистерская диссертация в 1908 г. «История экономического быта Западной Европы». В этой работе И. М. Кулишер, пытаясь доказать, что рабочий класс существовал в Западной Европе с XIV века, показал другое — как происходило формирование рабочего класса и участие в этом процессе государства.

¹⁵⁾ Португалия еще долго пользовалась статусом морской интеллигенции, а заполнить капи-

островному положению, сохраняется новая, капиталистическая цивилизация. Войны способствуют консолидации общества, особенно успешные. Благодаря им и массовый сгон общин с их исконных земель в пользу помещиков, становящихся либо собственниками земель, живущими за счет ренты, либо успешными капиталистами, и сверхудлинение рабочего дня выглядит оправданными. Общество разрешает работать больше и богатеть. Не обязательно одним и тем же богатеть, но сам процесс возможен.

Этому способствовало распространение в Европе протестантизма, в частности англиканства, снимавшего ограничения в отношении к богатству и труду. На этом вопросе подробно останавливался М. Вебер. Таким образом, растет расслоение общества на богатых и бедных.

Предпосылки накопления более конкретны и непосредственно связаны с формами проявления капитала, в том числе, следовательно, и с его современными формами. Отметим прежде всего наличие классовой структуры. В логическом, а не историческом анализе К. Маркса вначале рассмотрена двухклассовая модель, предполагающая наличие капиталистов и рабочих, главных агентов капиталистического общества. В рамках этой модели воспроизводство осуществляется без привлечения других групп населения. Другое дело, что реальное становление рыночной, капиталистической структуры общества потребовало создания класса новых патрициев, не старейшин родов, как это было в римском обществе, не знатных людей средневековья, сочетавших боевые качества вождей со свойствами менеджеров определенных территорий, а просто разбогатевших людей, ищущих применения своим деньгам¹⁷⁾. И нашедшим применение этим деньгам

не только в обращении, но и в самом производстве.

Исторические данные показывают, что чисто торговое применение капитала и для позднего средневековья было редкостью, пример — торговый взлет Генуи, также как для античного Средиземноморья — финикийцев. Мировые экономические центры эпохи позднего средневековья и становления абсолютистских государств обслуживали дальние торговые операции, нуждались в денежных средствах и не могли обойтись исключительно движением наличных средств. Для строительства кораблей и их обслуживания, тем более, что отправлялись они на длительный срок, да еще и с товарами, а часто и такими, как серебряные или золотые монеты, пользующиеся повышенным спросом в Индии, Византии, Китае, не все возвращались, нужны были деньги. Именно поэтому в ранних центрах мировой торговли и экономики получили развитие кредит и банковские операции. В городах-республиках Италии кредитные операции далеко не всегда изобретаются, зачастую они копируются у китайских, арабских и индийских менял. Вообще, если капиталистическая экономика в целом намного более инновационна по сравнению с предшествующими обществами, то в первую очередь в силу массовости экономики и связи с военными действиями и планами.

В историческом плане города в Средние века были важны как интеллектуальные центры населения, производящие и изобретающие уникальные виды продукции для решения военных задач, а также — как центры торговли — нового способа получения богатства — и как центры с более высокой плотностью населения и возможностями его мобилизации.

Для Флоренции, Венеции, Амстердама и т.д. международная торговля сопровождалась использованием имеющегося и выращиваемого и перерабатываемого сырья. В основном таким

¹⁷⁾ Й. Шумпетер представляет их эффективными менеджерами.

сырьем оказывалась шерсть. Производство тканей из нее служило хорошим дополнением к торговле и хорошим, прибыльным средством торговли. Сгон общинников в Англии не был беспрецедентным: нечто похожее происходило в Генуе, Флоренции и Венеции. Чисто торговая направленность капитала в средневековых обществах была прибыльна, но и уязвима. Либо сам собственник, либо конкурент торговца мог предложить лучшие условия, найти другие пути и исключить используемый метод получения прибыли. Собственная переработка сырья служила в позднее средневековье страховкой и способом принуждения конкурента к соблюдению «контрактов», диверсифицировала методы образования прибылей.

Однако технический прогресс, создание мануфактурного производства, а позднее и фабрично-заводского ведут к тому, что размер предприятия, организованного по-капиталистически, намного превысил размеры хозяйств предшествующих эпох. Увеличение размера предприятий исторически состояло прежде всего в увеличении количества занятых на них. Капиталистический способ производства начинается на том историческом фундаменте, который застает при своем генезисе, но требует нормы прибыли, большей по сравнению с теми, которыми готовы были удовлетворяться прежние формы хозяйства. Так, в позднее Средневековье за уровень прибыльности торговли, равный 50%, священник угрожал купцу отлучением от католической церкви. И только искреннее раскаяние, дополнительное подарками церкви, спасло беднягу. Захватывая отрасли производства, капитализм вводит в них на место традиций и интуиции научные методы и принципы разделения и кооперации труда. Результаты роста производительности труда достаются предпринимателям-капиталистам в силу права собственности на продукт чужого труда. Просветителям Возрождения и Нового

Времени такое положение представлялось несправедливым. Им казалось, что общество, приходящее на смену феодальному, будет арендой справедливости, а не новых классовых битв.

Капитализм представляет собой эксплуатацию крупных объемов труда, организованного индустриальными методами. Все большие массы населения оказываются охваченными новыми отношениями, даже если по форме власти крупной буржуазии нет. Так, в XIX веке помещики России поставляли зерно, произведенное крестьянами на основе барщины и оброка на биржи Амстердама, Лондона и Антверпена. Продавали дешево, значительно дешевле, чем европейские фермеры, так как зерно производили крестьяне своим трудом, своим инвентарем, на своих лошадях¹⁸⁾. Помещики не несли тех затрат, которые были обычны для фермеров. Но покупатели зерна в Европе приобретали не только продукт, но и часть прибавочного российского продукта. Иначе говоря, включение нетоварных экономик в воспроизводство капиталистических отношений мирового хозяйства происходило посредством мировой торговли.

В более поздние периоды, в конце XIX – начале XX века механизмом переноса прибавочного продукта и включения экономик в воспроизводственные потоки промышленного капитала становится вывоз капитала в страны с дешевой рабочей силой и другими ресурсами. Например, в этот период иностранный капитал из Англии, Бельгии, Франции широко инвестировался в Россию, Южную Африку, Азию. Благоприятствовало этому обстоятельству и становление к этому времени финансового капитала, явления, производного от промышленного капитала, но значительно более сильного и гибкого. Рабочая сила в России была не очень

¹⁸⁾ Из-за этого, кстати, в конце XIX века в сельском хозяйстве европейских стран разразился продолжительный кризис.

качественной по сравнению с европейскими стандартами, но значительно более дешевой и могла законно эксплуатироваться в течение 9,5–10-часового рабочего дня. В Европе рабочий класс добился уступок и был ближе к установлению 8-часового рабочего дня. Но понятно поэтому, что после революции 1917 года установление 8-часового рабочего дня в России резко сократило привлекательность иностранных инвестиций.

Однако подключение формально независимых, а реально включенных в движение промышленного капитала укладов ставит вопрос о том, что работники в таких укладах (батраки, ремесленники, занимающиеся отхожим промыслом и т. д.) представляют собой с социально-экономической точки зрения почти таких же рабочих, как и те, кто трудится в наемной форме на капиталистических предприятиях. С этой точки зрения подсчеты рядов рабочего класса, включая не только кадровых рабочих, но и так называемого полупролетариата у В. И. Ленина в его работе «Развитие капитализма в России» вполне обоснованны. А главная задача для Ленина в этой работе — практическая, обоснование включенности России в общекапиталистический процесс и описание места России в нем. Да и характер революции 1917 г. подтверждает наличие «горючего материала» в России, хотя сама революция была во многом полукрестьянской.

Цель исследования определяет в значительной части используемые методы. Годятся ли эти методы для ответа на вопрос, достаточен ли слой собственно кадровых рабочих для самостоятельного, без помощи развитых стран, построения социализма? Разумеется, нет.

Таким образом, состав рабочего класса, одного из полюсов капиталистического общества, с количественной точки зрения в современную эпоху значительно превышает число собственно

рабочих, трудящихся на промышленных предприятиях (синих воротничков), за счет тех же работников офисов, инженерно-технического состава (белые воротнички), работников традиционных укладов, продукция которых по-прежнему включена в воспроизводство мирового промышленного капитала посредством торговли, вывоза капитала и господства финансового капитала. Хотя торговля и начинается как противостояние равноправных агентов, но совсем не представляет собой чистое поле свободы и равенства. Власть больших денег, крупного капитала проявляется в известной (не абсолютной), зависимости одних торговцев и покупателей от других. Этим ничуть не умаляется деятельность общества и государства по распространению принципов конкуренции и борьбы с монополизацией в производстве и обращении.

Другой полюс капиталистического общества, капиталисты, также никогда не был однородным. Тем более, происходящие процессы концентрации производства и концентрации и централизации капиталов ведут к сокращению числа реальных собственников. Особенно бурно они происходили в конце XIX – начале XX века. По форме противоречит данному утверждению наличие малого бизнеса, тем более, что правительства развитых, а особенно развивающихся стран предпринимают значительные усилия по его развитию. Между тем противоречие здесь мнимое. Дело в том, что положение, согласно которому мелкое товарное производство порождает капитализм постоянно и в массовом масштабе, не отменяется, а продолжает свое действие. Попытки ограничить, а то и вовсе выхолостить сорняки мелкого товарного производства и поддержать крупные предприятия означают поддержку монополий.

Действия подобного рода предпринимались во все эпохи, иногда они приносили кратковременные успехи, но явно ограничивали малый и средний бизнес. Средний бизнес получал

на некоторое время импульс роста, что могло иметь известное оправдание как временное действие для решения задачи роста экономики. Но рыночная экономика в период кризиса (рецессии) и последующей за ним депрессии, во-первых, проявляет свое действительное состояние, включая классовое противостояние, во-вторых, государство и общество в целях самосохранения должны решать вопросы трудоустройства слишком многочисленных безработных. Кроме прочего, подобные действия обязательно должны опираться на опережающий рост крупных и средних сегментов бизнеса. В ином случае они просто вредны.

Возникновение класса буржуазии происходило в различных странах по-разному. В. И. Ленин описал два способа исторического развития, приводящие к возникновению капиталистического класса. Один из них — демократический, когда правящая власть не имеет обязательств перед прежними классами, двери в богатое сословие открыты. Этот путь он охарактеризовал как американский. В конце XIX века акционирование охватывает основные виды промышленности, становясь из редкой формы предпринимательства широко распространенной. Одним из ярких элементов возможности включения в богатое сословие выступила номинальная цена на акции. В США она была определена в 10 долларов. Акции по такой цене были доступны практически всем, даже рабочим. Это создавало широкую базу для капиталистического предпринимательства, делало ее более гибкой, способной к совершенствованию. Люди из различных слоев общества могли предложить и реализовать более разнообразные способы ведения бизнеса, проникновения на другие рынки и т. д.

Другой вариант перехода к капиталистическим отношениям был реализован в Пруссии, где политическая власть была сконцентрирована у по-

мешиков. Процессу превращения политической власти во власть экономическую соответствовала номинальная цена на акцию в 100 марок. Акции могли приобретать только состоятельные люди, к которым рабочие не относились. Таким образом, из процесса «строительства капитализма» были исключены значительные слои населения, а предпринимательство по-немецки характеризуется в большей степени полувоенными методами, со значительными элементами экспансии. Однако Германия к разделу колоний просто не успела. Почти весь мир был уже поделен.

Перевод помещичьего, юнкерского хозяйствования на капиталистические рельсы, даже в рамках производства сельскохозяйственных продуктов не представляется простым. Помещик не несет всех тех затрат, которые свойственны фермеру. Фермеру-капиталисту нужен как основной, так и оборотный капитал. Помещик несет отчасти лишь затраты, сопоставимые с основным капиталом по сохранению произведенной продукции. Крестьяне производят ее своим трудом и своим инвентарем, используя даже свою тяговую силу (лошадей). Чтобы стать капиталистом, придется нести все эти затраты в денежной форме, но у помещика таких свободных средств, как правило, нет. Без банков обойтись невозможно. И не только с точки зрения умения создавать деньги из воздуха, но и потому, что они служат организаторами процесса производства и обращения. Поэтому тезис о принципиальной невозможности регулирования рыночных отношений неверен. И это регулирование открыли не большевики в период нэпа (потом почему-то заговорившие о том, что рынок неуправляем). Банкиры в своих регионах знали это с самого начала. Правда, быстро узнали и то, что злоупотребление своей властью чревато.

Правящая элита России, осуществляя переход в середине XIX века к капиталистическим отношениям, тоже

использовала германский опыт реформирования экономики. Для удобства помещиков создавались банки, где можно было закладывать земли под кредитные средства. Другое дело, что далеко не все помещики обладали необходимыми предпринимательскими качествами, да и охотой заниматься предпринимательством. Средства в этом случае проедались, но запущенный механизм перехода земель и денежных средств все равно вел к поляризации населения в России. Поскольку часть сельского населения лишалась средств к существованию, она поступала в распоряжение формирующегося капитала или искала иные, более отсталые формы социального взаимодействия: занятия извозом, надомничеством и т. д., в конечном счете, обслуживающие тот же капитал реально или латентно. Латентная форма обслуживания капитала, например, скрытая форма безработицы в трактовке Маркса, выполняет свои специфические функции.

В данном случае речь идет о части сельского населения, которая при развитии капитализма в благоприятных условиях (хорошей экономической конъюнктуре), покинула бы свои земельные наделы и перешла в город в ряды рабочего класса. Однако при наличии в городах крупной безработицы им приходится оставаться в деревне и влачить жалкое существование. Они одной ногой в городе, а другой — в деревне. Но их готовность влиться в ряды активных пролетариев ведет к снижению цены рабочей силы, что благоприятно расценивается предпринимателями.

Следует иметь в виду, что выделение отдельных предпосылок или условий накопления капитала, рассмотренное в виде факторного анализа, иначе говоря, без их взаимосвязи и взаимообусловленности, годится для отдельных моделей, для количественной оценки значимости фактора в конкретное время. Практика реального накопления

капитала в разных странах показала, во-первых, что преимущества протестантизма перед другими религиями имели значение, возможно на ранних стадиях развития капитализма, но в дальнейшем католицизм особых препятствий не создавал. Во-вторых, ислам на этапе торгово-промышленной стадии развития капитализма никак не выглядел особо ограничивающим его формы. В-третьих, отдельно взятая форма наследования могла иметь значение только в комплексе мероприятий по реформированию экономики правящей элитой. Таким образом, можно говорить в широком смысле слова о ряде факторов, которые можно проранжировать с различной точки зрения и объединить их как волю правящей элиты к реформированию экономики ради либо ее быстрее роста, либо включения в мировое хозяйство. Иногда эти цели совпадают и тогда можно говорить о синергетическом, или мультипликативном эффекте, когда воздействие одних факторов усиливает воздействие других.

Историческое рассмотрение накопления показывает, что первоначально возникшие центры мирового торгового капитализма, например, в Генуе, использовали ограниченное количество преимуществ, к которым можно отнести торговлю и кредит: в период отправления кораблей с торговцами в городе и предместьях не оставалось в наличии золотой и серебряной монеты. Дальнейшее развитие капитализма опирается в предпродомышленности на небольшое количество отраслей, преимущественно легкой промышленности, а торговля становится все более многосторонней. На следующем этапе развития имеющиеся преимущества оказывались недостаточными, и очередной переход мирового центра захватывал все большее количество факторов, наряду с использованными предшественниками. Так, островное положение Англии позволило использовать преимущества капиталистической

промышленности и собственно капиталистического способа производства, включая производство прибавочной стоимости в полной мере в английской экономике. Это не означало, что командиры английской экономики отказались от колониальных источников, просто они стали занимать второстепенное место.

Экономический рост, опираясь на растущее количество факторов развития, показывает закономерность, что недостатки экономики той или иной страны могут становиться ее преимуществами. Так, относительно недавний взлет японской экономики, в чем-то классический, поскольку опирался на более интенсивное использование (эксплуатацию) собственной рабочей силы, кроме того предусматривал рост образовательного уровня населения страны (квалифицированная рабочая сила более продуктивна и в отношении создания прибавочной стоимости, основы прибыли). Но «изюминкой» японской модели роста послужило применение не индивидуалистических, как в Англии и США, а корпоративных методов менеджмента. Методы корпоративности распространялись даже на рабочих, включали систему «пожизненного найма», предполагали, что фирма выступает своеобразной «семьей» по отношению к работникам. Опять-таки — не на всех рабочих, но использование нерыночных в своей основе методов становится все более распространенным явлением. Корпоративная модель тем самым доказала свою жизнеспособность, отчасти подорывая индивидуалистическую англо-саксонскую основу рынка, основу рынка.

Другая сторона «японского чуда» не менее показательна и в чем-то превосходит китайский вариант накопления капитала. Речь идет о встроеном в рыночную экономику плановом механизме осуществления инвестиций и экспансии японского капитала на внутренних и внешних рынках. Индикативное

планирование — не изобретение Японии, оно широко применялось в ряде западных стран, но степень коллективного руководства через Министерство торговли и промышленности и готовность предприятий принимать в тот период — 60–70-е годы XX века — плановые решения, подчиняться им казались западным предпринимателям почти невозможными, объяснялись японским менталитетом.

Конечно, и до «японского чуда» было известно, что страна, потерпевшая военное поражение, легче встраивается в конкурентные отношения. Правящим элитам легче объяснить населению необходимость «затягивания поясов», больше трудиться, а предпринимателям использовать более интенсивную эксплуатацию как собственное преимущество. В 70–80-е годы XX века подсчеты японских исследователей показывали, что японский рабочий в среднем трудится в году примерно 2100 часов, а его коллега в Европе и США, где успехи профсоюзного движения были более явственными, только 1700 часов. Неудивительно поэтому, что качество японского автомобиля было лучше, и продавать его могли дешевле. В современных условиях подобными преимуществами обладают предприятия в Китае, Индонезии, Индии, практически во всей Юго-Восточной Азии. Уровень эксплуатации труда в этих странах в настоящее время еще выше. Закономерен вопрос — что мешало использовать эти преимущества в более ранний период?

Ответ в данном случае заключается в том, что должны были созреть определенные предпосылки и выстроиться определенная плотность населения (не только физическая, географическая, а и социальная), развиться товарные отношения, отмереть старые типы рыночных связей, вырасти культурный и образовательный уровень населения, наконец, создана индустриальная экономика. Только в этом случае можно говорить, что страна готова вступить

в конкурентные отношения. А будет ли она при этом выступать полноценным конкурентом, успевающим отчасти уступать созданные прибыли в пользу мировой «конкурентной корзины», инвестировать в собственное накопление и обеспечивать уровень потребления своей правящей элите, или выступит современным колониальным придатком развитых стран — зависит от имеющихся у страны преимуществ и их использования местными элитами.

Основными видами преимуществ из тех, что достаются предпринимательской элите даром являются те, что существуют исторически в той или иной стране. Это, во-первых, полезные ископаемые. В свое время, в XVIII–XIX веках, когда кончалась древесина как основное средство отопления в Англии, использование угля обернулось крупным преимуществом — и произошел переход к веку угля и железа. В настоящее время аналогичную роль выполняют углеводороды — нефть, газ, возможно, в недалеком будущем, месторождения сланцев. С решением задачи управляемого термоядерного синтеза такую роль будут играть запасы или возможности добычи дейтерия и трития. Во-вторых, преимущества в культурном, образовательном и квалификационном уровнях населения. Чем этот уровень выше, тем меньше затраты самого капитала на подготовку работника к его эффективному использованию. Надо заметить, конечно, что сам капитал не испытывает никакой склонности к применению в сфере создания инфраструктуры, транспортной сети, центров обучения и переподготовки, иначе говоря, там, где оборачиваемость средств невелика. Значительную часть этих расходов несет государство.

Наконец, еще одной специфической формой накопления капитала следует признать процессы, происходящие в ряде стран с победившими революциями.

Начинать придется с Великой Французской революцией 1789 года. Она

носила буржуазный характер и проявилась в экономике тем, что крупной феодальной собственности даже после возвращения королевской власти во Францию оставалось немного. Поэтому собственность и землепользование во Франции носили парцеллярный характер, мелкое хозяйство сохранялось длительное время.

По-другому обстояли дела в России. Победа революции 1917 года привела на первом этапе к аналогичным изменениям. Земля помещиков и частично государственная в центральных губерниях была поделена между крестьянами, что почти удвоило размер земельного надела в центральных губерниях, с 4 до 8 десятин. Однако при восстановлении промышленности в 1926 году и достижении предвоенного уровня страна столкнулась с проблемой устаревания производственного потенциала, поскольку своей обрабатывающей промышленности не было. Для закупки оборудования предприятий на Западе необходим был экспортный товар — зерно. Новая экономическая политика (НЭП) с точки зрения новой правящей элиты обеспечить индустриализацию достаточным количеством зерна не могла. После свертывания политики НЭПа был взят курс на ускоренную коллективизацию в области сельского хозяйства. Полученное зерно у колхозов направлялось на покупку нового оборудования для предприятий, но узким местом стала нехватка рабочей силы, чтобы ставить предприятия и обеспечивать их рабочей силой. В сельском хозяйстве СССР происходят процессы раскулачивания, семьи кулаков и значительной части середняков по разнарядке направляются на строительство предприятий, на которые их путем обычного найма было не получить. У новой элиты создается представление, что ее возможности почти безграничны.

Накопление богатства представляет собой по форме существо первоначального накопления капитала. Накопление

капитала, рассмотренное в непрерывном движении и воспроизводстве производственных отношений, ставит вопрос о воспроизводстве существенных предпосылок капиталистического производства. Действительно, для того, чтобы была воспроизведена подмеченная А. Смитом закономерность, что богатое общество представляет собой общество с бедным, но трудолюбивым населением, кроме относительно небольшой богатой части общества, должны воспроизводиться бедные слои общества, готовые и дальше производить богатство.

Описанные К. Марксом формы классического первоначального накопления с массовым сгоном общинников с их земель и захватом их лендлордами в Англии, не являлись исключительными. В период развития торгового капитализма в торговых республиках Италии, позднее — штатов Нидерландов в XV–XVI вв. их торговля в Средиземноморье сопровождалась развитием своей собственной предпримышленности, ремесленного производства, организации мануфактур. Важнейшую роль при этом выполняли отрасли производства шерстяных, суконных, позднее — шелковых тканей. Даже занятие Венецией центральных позиций Средиземноморья — острова Корфу — не означало, что Венеция XIV–XV вв. могла заниматься исключительно перепродажей чужих товаров — левантийских, с одной стороны, и европейских — с другой. Но суконная и шерстяная отрасли, так же, как и позднее, в Англии требовали перепрофилирования сельского хозяйства, местное население активно осваивает более прибыльные отрасли, овцеводство и т. д.

При этом растут не только доходы собственников, но и рыночная квалификация работников, а вместе с тем их заработная плата. Дело в том, что вряд ли уровень квалификации тех, кто стал пасти овец вместо выращивания пшеницы, стал выше, но он точно

лучше соответствовал общественному, рыночному спросу¹⁹⁾. Однако с ростом доходов населения растет спрос и на неквалифицированную рабочую силу. В современный период развития мы наблюдаем аналогичные явления: *«рост числа занятых творческой деятельностью сопровождается параллельным ростом занятых низко- и среднеквалифицированным репродуктивным трудом»*²⁰⁾. Ее удовлетворяют в основном мигранты. Их роль в данном случае двоякая. С одной стороны, они составляют низшие слои рабочего класса или его предшественника в историческом плане, выполняя подсобную, служебную функцию, часто пополняя армию безработных, заставляя тем самым трудящуюся часть соглашаться на худшие условия оплаты. С другой стороны, оплата рабочей силы в соответствии с уровнями ее квалификации составляет в промышленную эпоху систему тарифных сеток и тарифных ставок. Это отнюдь не изобретение плановой экономики как социальной системы, а элемент индустриальной экономики. Низший уровень подобной системы всегда составляет оплату труда неквалифицированной, необученной рабочей силы. Система тарифных сеток и ставок покоится на подушке низших уровней квалификации и оплаты труда.

Одно дело, когда при возникновении капитализма, в период торгово-промышленного капитализма развитие техники и науки совершается медленно. Освоение новых видов ремесел позволяло на длительное время зафиксировать доминирующие позиции в международной или региональной системе торговли, свои ремесленни-

¹⁹⁾ Точно так же уровень квалификации работников военно-промышленного комплекса СССР был исключительно высоким, но не соответствовал гражданской направленности экономики после развала страны в начале 90-х годов XX века.

²⁰⁾ Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. Том 2. Теория. Изд. 3-е. М., Ленанд/URSS, 2014. С. 115.

ки, объединенные в цехи, в целом были также довольны своим положением, а миграция обеспечивала приток дешевой рабочей силы. Миграция регламентировалась, чаще ограничивалась, иногда поощрялась в зависимости от требований наиболее прибыльных отраслей и в целом состояния экономики. В редкие периоды, когда физическое вырождение касалось местного населения, миграция не только поощрялась, но допускалась ее конвертация, приобщение к привилегированным слоям населения.

Совсем по-другому обстоят дела в индустриальную эру. Капитал соглашается на использование неквалифицированной, необученной силы, беря на себя затраты на ее обучение лишь по необходимости. Предпочитает он все же рабочую силу, прошедшую известный уровень адаптации, дисциплинированности и квалификации. Даже в период торгово-промышленного капитализма миграция для нужд капитала не бывших крестьян, а ремесленников была предпочтительней. Они были грамотнее, лучше знакомы с индустриальными технологиями и не боялись их, они, наконец, были более дисциплинированными. А бывших крестьян с их общинными типами демократии еще предстояло превратить в отряды рабочего класса, массового, готового управляться со все более крупными орудиями труда, более производительного. Процесс превращения крестьян во все более производительных работников, применяемых в промышленности, сельском хозяйстве и сфере услуг представляется, поэтому как многоступенчатый, ведущий к созданию и более производительных машин, и более квалифицированных рабочих. Однако это только одна сторона процесса индустриализации. Другая заключалась в тенденции, проявляющейся в целом до 30-х годов XX века, в тенденции к упрощению содержания процесса труда. Сначала она проявлялась в переходе от ремесленного труда к труду мануфактурному,

позднее, — к фабрично-заводскому, наконец, в начале XX века — к конвейерному. Лишь после этого набирает силу другая, противоположная тенденция — к усложнению содержания труда. В настоящее время первая тенденция в большей степени проявляется в развивающихся странах, осуществляющих у себя процесс индустриализации с самого начала.

Отчасти определение действия всеобщего закона капиталистического накопления носит партийный характер. В самом деле, если стоять на точке зрения отсутствия в современный период классов, то, разумеется, никакого ухудшения положения рабочего класса нет по определению. Логика при этом такова, что часть современных "наемников" занята производством знаний, культуры, часть из них получает не регулярную зарплату, а живет на гонорары. По другому обстоят дела, если смотреть с марксистских позиций. Концентрация собственности, а главное, управление ею в растущем масштабе в немногих руках давно привело к тому, что формы проявления современного пролетариата не столь существенны. Да, у них появилась собственность в США, ЕС, Японии, еще нескольких развитых странах. Да, они заняты не в сфере индустриального труда. Но это и есть современный пролетариат и его положение устойчивей вряд ли стало. Когда приходит еще один из мировых кризисов, они тоже теряют работу и источники существования. Домик в собственности ненадолго спасает, если работы по специальности мигрируют в Китай и Индию.

Если до 80 % рабочих мест в течение грядущих 20–30 лет будет занято роботами, куда денутся эти люди, чем бы они ни занимались? Ради чего они будут выплачивать свою ипотеку, обучать детей и т.д. Или придется все это очередное «излишнее» население посадить на программы социальной помощи? Это не пролетарии? Наконец,

еще одно обстоятельство. Известно, что К.Маркс писал свой «Капитал» как довольно сложное в структурном и содержательном плане произведение для рабочих, хотя рабочий у конвейера вряд ли поймет его содержание. Однако и писалось это произведение, как отмечал Ф.Энгельс, не для обычных рабочих, а для таких, каким был Иосиф Дишген, рабочий-самоучка, бывший столяр, дошедший самообразованием до создания собственных философских систем, живший тоже не на регулярную зарплату, а на гонорары от издания собственных книг. Такой пролетарий. А вы говорите, что информационное общество убивает пролетариат! Ему еще предстоит продолжить работу по управлению общественным хозяйством, что и сейчас происходит в странах с социально-ориентированной экономикой, то есть на капиталистических условиях. Но ведь и экономика Франции в период правления монархов Людовиков XV и XVI тоже была в своей основе капиталистической. Выдумать свои схемы воспроизводства просто из головы Ф.Кенэ не мог. Это было отражение реального движения товаров и денег. Это был капитализм. Так и в современную эпоху социализм тоже лезет из всех дыр и щелей. В значительной степени он распределенческий — те же

программы социальной помощи. Но и самоуправление работниками предприятия в современных развитых странах никто не отменял. Такая абберрация зрения, когда одна классовая позиция диктует глазу видеть одни факты, а другая — иную — не новость социальной жизни. И истина, возможно, лежит где-то посередине, но в виде развивающейся проблемы, которую еще предстоит осваивать на практике.

Политика реиндустриализации, принимаемая руководителями ряда развитых стран в современную эпоху, означает, что им также пришлось отступать, как В.И. Ленину в 1922 г., иначе говоря, некоторое «забегание вперед» произошло. Нельзя отдавать всю промышленность Индии и Китаю. Но не следует и представлять дело таким образом, что поддержка малого и среднего бизнеса в этой связи не может вести к созданию на деле действительно крупных компаний. Современные технологии иногда на удивление малочисленны, но удовлетворяют значительную часть общественного спроса. Так что это может оказаться лишь формально малый бизнес, но зато имеющий все права на получение льгот. Полный простор для частно-государственного партнерства.